

Возмужание

Два спектакля в русском Театре юного зрителя поставил молодой режиссер Темо Абашидзе. Его имя на тбилисской театральной афише впервые появилось в этом сезоне. Но в профессиональный театр он пришел три года назад с группой выпускников Грузинского театрального института.

Уже тогда этот выпуск обещал дать театру интересных художников. Сегодня, быть может, еще рано категорически определять, насколько оправдались надежды, но первые спектакли Нелли Эшбы в Сухуми, Роберта Стурва в театре имени Руставели, Темо Абашидзе в Батуми и Тбилиси сделали серьезные заявки на будущее. Интересная деталь: в спектаклях Н. Эшбы и Т. Абашидзе выступили по несколько раз ведущие актеры Грузии: А. Хорава, М. Чахava, Э. Манджгаладзе, Б. Чхеидзе, и по их признанию, постановки молодых режиссеров не просто стояли на профессиональном уровне, но были интересны по мысли, художественному решению. В устах людей, работавших с лучшими режиссерами современной грузинской сцены, эта похвала звучит достаточно убедительно.

Для тех, о ком идет речь, ультрасовременный и вместе с тем самый пустой спор — быть или не быть театру, решен навсегда — быть! Быть, пока жив человек, пока он любит, борется, страдает, пока есть в человеке стремление к общению, к живому слову, которое не подменить ни голубым экраном, ни просто большим экраном. Быть всегда! В театр они принесли ту же искренность и восхищение, с какими совсем юнцами пришли в институт. Слова Станиславского: «Театр начинается с вешалки», которые многие принимают за приглашение вытереть ноги перед парадным подъездом, звучат для них в глубоком и прямом смысле.

У театра, у всякого, даже у МХАТа, кроме парадного есть еще и черный вход. Там меньше электричества, и театр там мало похож на театр. Там работают долго и трудно. Ошибаются, побеждают, разочаровываются, радуются, плачут настоящими слезами и снова работают. Там точно знают цену каждому хлопку зрителя и каждой улыбке актера.

И за пять лет учебы в институте, который, кстати говоря, — рядом с большим театром и за кулисами которого учатся не меньше, чем в аудитории, за пять лет учебы и три года работы в театре молодых режиссеров ничуть не тронул налет столь модного среди молодежи профессионального цинизма. Стоит послушать Темо Абашидзе о великом моменте поднятия занавеса, о великом таинстве контакта актера со зрителем, как становится жаль самого себя, за то, что не тебе доверена кнопка механизма занавеса, не тебе поручен этот торжественный момент.

Это их общая черта. И, конечно, у каждого из них немало своих. У Темо Абашидзе — самая яркая — удивительно светлое восприятие жизни, замечательное жизнелюбие. И оно имеет прямое отношение к театру. Работа режиссера зависит не только от степени его таланта, подготовки, знаний, но и от его характера. Наверное, поэтому так светлы, так праздничны и так в самом лучшем смысле театральны спектакли Абашидзе. У него есть еще одно — дорогое свойство — умение увлечь, заставить поверить, фантазировать вместе с ним.

Абашидзе любит повторять фразу старого русского критика: «Актера нельзя научить, что надо делать, его можно научить, что не надо делать». Я думаю, что само то он не очень верит в эту сермяжную истину. Я не видел Абашидзе на репетициях, но, во всяком случае, актеры в его спектаклях делают то, что надо, и делают с увлечением и верой.

Прежде чем прийти к юным зрителям, Абашидзе прошел серьезную и суровую школу в батумском драматическом театре. Работать в периферийном театре чрезвычайно трудно. Приходится жить в темпе газетной оперативности. У театра постоянный контингент театралов. На десятом спектакле после премьеры он кончается.

В батумском театре Т. Абашидзе ставил дипломный спектакль и остался в нем. Говорят, самый лучший способ научиться плавать — неожиданно столкнуть человека в воду — авось выплывет. Правда, он до смерти перепугается, наглоется совсем не пужной ему воды и, может быть, действительно выплывет. Т. Абашидзе выплыл. В Батуми он поставил четыре спектакля: «Футболисты» Зорина, «Пепе» Сундукяна, водеvil «Семейный перелом» Мейои и Энаккае, «Счастье Ирины» Кладзшвили. Как видите, пьесы самые разные. Соблюден желательный для молодого режиссера диапазон — от современной комедии до грузинского классика. Но это не са-

мое важное. Обратите внимание на две пьесы: «Пепе» и «Счастье Ирины». Первую издавна любят грузинский театр и грузинский зритель. В Грузии вряд ли найдутся подмостки, на которых не жил бы и добивался правды тбилисец Пепе. Понятно, как трудно работать над пьесой Сундукяна. Понятно, какая ответственность лежит на режиссере, тем более молодом режиссере, взявшемся за нее. И понятно, что похвала режиссеру М. Чахava, Б. Чхеидзе, Э. Манджгаладзе, игравшим в трех спектаклях на батумской сцене, за интересное решение спектакля — серьезная и профессиональная оценка. Т. Абашидзе избежал увлечения псевдоромантикой жизни кинто, кинторомантикой, так сказать, и спектакль ничуть не проиграл. Спектакль выиграл. В его центре был человек, сильный, благородный, борющийся.

Пьеса «Счастье Ирины» трудна для постановки. Она несет в себе много интересных и глубоких мыслей. Задачей режиссера было донести их до зрителя. Видимо, он сумел это сделать, если прошел десятый спектакль, и двенадцатый, и пятнадцатый, и спектакль до сих пор стоит в репертуаре театра.

С января этого года Т. Абашидзе работает в русском ТЮЗе. Это тоже трудный театр. Можно сослаться на детскую психологию, степень развития и т. д. Но это не самое главное. Перефразируя известные слова Горького, скажем: «Для детей надо играть так же хорошо, как для взрослых, только еще лучше». Это, надо полагать, самое главное. Дети не терпят фальши. И если взрослого во взрослом театре к определенному поведению обязывает хотя бы его вечерний костюм, то детей к этому ничто не обязывает.

В ТЮЗе Абашидзе начал с «Журавлиных перьев» Дзюндзи Киносита. Интересно отметить, что его курсовой работой в институте была та же пьеса. Тогда с Б. Мирианавили в главной роли она получилась красивой миниатюрой, до самых краев наполненной грустным лиризмом. Сегодня в тюзовском спектакле рядом с лирикой появилось нечто новое, социальное. Знакомый мне педагог средней школы после нескольких спектаклей сказал: «Зачем было браться за эту пьесу. Зачем детям рассказывать про любовь». Может, это мнение не только его одного. И наверное, следовало не мудрствуя ответить, что подросткам, и может, прежде всего подросткам, надо рассказывать о любви, чтобы через три года они не пугали ее с чем-нибудь другим. Однако этот спектакль — не только о любви. Он о том, как деньги, жадность могут растоптать и погубить самое светлое и самое чистое человеческое чувство.

Вернувшись к «Журавлиным перьям», Абашидзе прочел пьесу точнее и глубже. Что это? Можно назвать по-разному, но самым верным определением, по-моему, будет — возмужание.

Второй спектакль Абашидзе — «Романтики» Ростана. Несколько неожиданно, неправда ли?! Возмужание, и вдруг веселая безделушка, которая ничто «не обличает», «не отображает» и, может, даже «не рисует».

Но, во-первых, такой выбор, очевидно, диктовали интересы театра, юношеского театра. Во-вторых, Ростану в «Романтиках» есть что сказать юношам и девушкам, ищущим романтику подобно героям пьесы там, где ее нет.

И потом самого Абашидзе немного тянет к спектаклям радостным, праздничным, к театральному представлению. «Романтики» получились именно таким спектаклем — легким, веселым, светлым. Он богат и удачной актерской игрой и остроумными режиссерскими находками. Под сплошной смех и аплодисменты идет сцена мимного похищения Сильветты. И это далеко не единственная сцена, вызывающая такую реакцию в зрительном зале.

Про молодого режиссера приятно говорить — он в поиске. Но если ограничиться только этим, это значит ничего о нем не сказать.

Плохо, когда режиссер на склоне лет останавливается в поиске. Молодого же без поиска просто нет. Он не художник, и никогда им не будет.

Все дело в том, что ищет режиссер. Т. Абашидзе ищет — не побоясь высоких слов — пути к сердцу зрителя, ищет с ним беседы, честной, прямой, в которой он поможет найти ему в себе высокие и красивые чувства. В дороге он много ошибается, и спотыкается, и потирает ушибленную коленку, и если мы сегодня не говорим о его промахах, то только потому, что попробем увидеть самое важное — он хорошо начал. Правильно начал.